

Не менее славна история и второочередных п. п. Забайкальского каз. войска, составлявших Забайк. каз. дивизию в отряде ген. Рененкампа; из этих полков 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский п. п. составляли бригаду ген.-майора Любавина; в состав ее временно входили 1-й Аргунский каз. п. и 4-я Забайк. каз. батарея (отдельный наблюдат. отряд полк. Трухина); 2-й Верхнеудинский каз. полк входил в состав Восточного отряда, 2-й Читинский п. находился при полевом Штабе. Что касается деятельности наблюдательного отряда полк. Трухина (затем полк. Карчева), то он до 13 апр. (до момента выделения из отр. генерала Мищенко) производил разведки на р. Ялу и, принимая участие в набегах на Корею, а с 13 апр. охранял левый фланг Восточного отряда. После Тюренченского боя отряд этот вошел в состав отряда ген. Рененкампа и принимал участие в стычках с передовыми японскими частями до 5-6 июня, когда участвовал в сражении под Сихея-ном. Затем к началу Ляоянских боев отряд был распределен по частям в отряды ген. Орлова, Экка, Дембовского и, наконец, в средн. числах ноября, 1-й Аргунский полк опять вошел в состав отряда ген. Рененкампа. С 1905 г. полк частью находился в составе 1-й армии, частью 3-й армии и, прикрывая во время Мукденских боев отступление, имел ряд стычек с передовыми частями японцев; с отходом же войск на Сипингайские позиции, полк вошел в состав 2-й Армии и нес разведочную службу.

Забайкальская казачья дивизия с начала войны (полки 2-й очереди были сформированы к 1 янв. 1904 г.) вошла в состав действующей Манчжурской армии. После Тюренченского боя отряд ген. Рененкампа, выступивший по направлению Фын-Хуан-Чену, имел столкновение с японцами у Куань-джана 21 апр., у д. Дальфуза 11 мая, у Айянамыня 15 мая, у перевала Фейшуйлин 18 мая, у Саймаузы 19 и 20 мая, у Айянамыня 9 июня, в долине р. Цаохе и т. д. При отступлении Восточный отряд имел дело с японцами у Фанцзяпущы 30 июня. К началу Ляоянского боя бригада генерала Любавина имела столкновение с японцами у д. Б. Уйюни 19 августа и у д. Ваньпуза 19 августа. Отряд ген. Рененкампа также принимал деятельное участие в сентябрьском наступлении, в Мукденских боях, и нес разведочную службу на Сипингайских позициях.

По окончании русско-японской войны второочередные полки были расформированы.

Перед Великой войной Забайкальское Войско содержало следующие части: 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Нерчинский и 1-й Аргунский полки конные (первоочередные), 1-ю и 2-ю Забайкальские казачьи батареи; в военное же время оно выставило 2-ые и 3-и полки тех же наименований (второ и третьеоочередные), 3 и 4-ю каз. батареи, кадры которых содержались в мирное время. Итого 12 конных полков и 4 конных батареи.

1-й Верхнеудинский полк сформирован из образованного 6 мая 1872 г. Учебного конного дивизиона Забайк. каз. Войска, переформированного в 1878 г. в № 1 конный полк Забайкальского каз. Войска; окончательное — свое наименование полк получил 12 августа 1898 г.

1-й Читинский полк ведет свое происхождение от сформированного 11 декабря 1893 г. № 2 конного полка Забайк. каз. войска, названного 21 окт. 1897 г. 1-м Читинским.

1-й Нерчинский полк образован 1 янв. 1898 г. из 7, 8 и 9 сотен, сформированных в 1897 г. при 1-м Читинском п. и 3-х сотен, вновь сформированных при том же полку; первоначально названный 3-м Забайк. каз. полком, он затем 15 янв. 1898 г. получил свое первое наименование.

1-й Аргунский полк образован 1-го янв. 1900 г. из 7, 8 и 9 сотен сформированных в 1899 году при 1-м Нерчинском полку и новых сотен; тогда же он получил наименование 4-го Забайк. каз. полка, а 17 янв. 1900 г. получил наименование 1-го Аргунского полка Забайк. каз. войска.

1-я Забайкальская казачья батарея сформирована 28 июня 1857 г. при рус. п. п. Заб. каз. Войска, под названием конно-артиллер. батареи № 23 и 12 янв. 1865 г. переименована в 1-ю Забайкальскую конную батарею; 6 мая 1872 г. она была названа 1-й Забайк. конно-артиллер. батареей, 24 мая 1895 г. — 1-й Забайк. каз. батареей.

2-я Забайк. казачья батарея была сформирована одновременно с 1-й при рус. п. п. Забайк. каз. Войска и названа № 24 конно-артиллер. батареей; 12 янв. 1865 г. названа 2-й Забайк. конной, 6 мая 1874 г. — 2-й Забайк. казачьей батареей.

Все поименованные части Забайк. Войска праздновали до последнего времени свои праздники 17 марта; старшинство их не установлено.

В. П. Елисеев. (В. Петров).

Об „интеллигенции“.

I.

Нам, вольным казакам, „бывшие вожди“ и „прежние деятели“ ставят на вид, что яко-бы в наших, вольно-казачих, рядах отсутствует интеллигенция („во всей редакции нет хорошо грамотного человека..“); что интеллигенция-де с ними, с „прежними вождями“ — „единицами“, а среди нас-де — „самостийников“ — одни лишь „недоучки“, люди „невидные“ „безавторитетные“ или вовсе... „12 летние малыши“ (что мы еще — „изменники“, „предатели“, и даже... „большевики“, к теме настоящей статьи не относится)..

Просто сказать, нас укоряют „высокоавторитетные прежние деятели“ в том, что мы люди вообще малоизвестные, люди „без имени“... Тогда как они!.. Ну, они, конечно... Их „все знают!“ (как пишет о себе один из „бывших вождей, ген. Краснов“, а также и „прежние деятели“)..

И, укоряя вольных казаков в „невидности“, (ну а раз в „невидности“, так, значит, и в неинтеллигентности!..), „прежние деятели“ и „вожди“ строят свое „высокоавторитетное“ умозаключение. Они рассуждают...

Если, мол, уже мы — „старые“, искушенные в политической деятельности „бойцы (собаку, так сказать, с'евшие в этой „политической деятельности“); если уж, мол, мы — при всей нашей „видности“, „авторитетно-

сти“, „интеллигентности“ — да принуждены сдать наши обветшавшие позиции, признать себя откровенно „банкротами“, и если, мол, уже мы — опытная состарившаяся на своем „ответственном“ посту „интеллигенция“ — да ничего „определенного“ не видим впереди нашими зоркими глазами и предоставили судьбу Казачества в распоряжение „всегомогущего времени“, — то где же там, мол, им?.. „Не старым“, „невидным“, „неопытным“, „безответственным“, (!), „малограмотным“, „мальчиш-кам“ „мнить себя будущими вождями Казачества?... Им — „серым“... — Конечно, — моральные выродки... Ни больше, ни меньше, как только — „моральные выродки“... Что же, собственно, подчеркивает собою кичливое утверждение („точка напора“) „прежних деятелей“, нервно вопя об отсутствии в вольно-каз. рядах „интеллигенции“? Как понимается в устах „прежних деятелей“ — „единонелиццев“ (и как они хотят быть понятыми другими) слово, „интеллигенция“? И чем (каким именно словом) оно в их „высокоавторитетном“ воображении отождествляется?..

Ответ ясный: — „Балинов, видимо, не старый человек. — На Дону, среди прежних деятелей Балинова не знали“ (Мельников „Р. К.“ № 7. 1930).

В этих коротких словах вся суть очередной „точки напора“ „прежних деятелей“, укоряющих нас в „неин-

телигентности“... „Философия“ разложившихся заживо „старых банкротов“ — Раз „на Дону, среди прежних деятелей Балинова не знали“, то... То о какой же, мол, там „интеллигенции“ можно говорить?... Другое дело, если бы Балинов был „старым человеком“ и „прежним деятелем“. Тогда бы да. А так — какой же с него „интеллигент“?... Допустить, что Балинов вырос, „постарел“?... Нельзя. — Опомдал. — „Деятельности“ нет. Окончилась... Сами патентовые „прежние деятели“ сидят да на голубое небо (на „всемогущее время“) глядят... Нет. Никак Балинов не может быть „интеллигентом“, раз „на Дону, среди прежних деятелей его не знали“...

Конечно, вообще людям, разложившимся и физически и морально всякое сетование свойственно... Все им представляется, что они еще в состоянии тряхнуть „старинной“ (своим „прежним авторитетом“). Все новое, молодое, живое им претит, не по вкусу...

Но сетование казачьих „прежних деятелей“ — „единонеделимцев“ еще горьче. Ведь они не только до самой своей старости „действовали“, но еще и умудрились своею „деятельностью“ на старости лет (старика, ведь, если еще на Дону были „старыми“) сделаться бездыханными „банкротами“... С их „пожизненным авторитетом“ да на их мертвом „хроническом“ месте хоть кто, так будет нервничать, упрекать... Да еще, если на голову садятся не только что люди „не старые“, а (готов вырвать клок волос, если бы они были!) „желторотые“ „12 летние мальчишки“... Иисусом Навином бы стать! Приказать бы солнцу, чтобы остановилось... Чтобы эти „12 летние желторотики“ не росли... Но, беда — не станешь и не прикажешь... А потому и делаешь вид, что еще в состоянии делать — „напираешь“...

Теперь если кто был на Дону „не старым человеком“, то он, наверняка, „действовал“ с винтовкой в руках. Конечно, таким „действием“ (или такою „деятельностью“) „прежних деятелей“ не проймешь. Такое „действие“, по их мнению, „серое“ — „неинтеллигентное“. „Неинтеллигентное“ по заскорузлой „пожизненности“ их „высокого авторитета“...

А потому, как бывшие на Дону казачьи интеллигенты, которые в свое время из-за „винтовочного действия“ не могли попасть в число „деятели“ — „интеллигентов, так и теперешняя здоровая, энергичная казачья молодежь, окончившая университеты не дома, а здесь, не считаются „прежними деятелями“ за интеллигенцию. Рассуждение простое: — „NN не знали среди прежних деятелей“ потому, что NN был „не старым человеком“, а теперешние 30-35 летние казаки, окончившие здешние университеты, тоже „неизвестны“ потому, что были на Дону „12 летними мальчишками“...

Они были на Дону „не старые“, а другие вовсе — „мальчишки“. И ввиду того, что „деятельность“ прекратилась, чем был каждый из них, тем должен и слыть. Одни „невидными“, „серыми“, а другие, просто, „желторотыми мальчишками“... Исключение еще, б. м., и могло случиться, если бы „всемогущее время“ что-либо „за нас сработало“. Может быть, кто и „облагородился бы“ — может быть, кто за особенные заслуги и был бы принят в „среду прежних деятелей“... Но ведь впереди все потемки, мрак — „неопределенность“... Рассудите же. Откуда же, в самом деле взяться этой „интеллигенции“, если ее рост органически (как и „деятельности“) прекращен?..

Все же без „интеллигенции“, выходит, как будто бы нельзя. Какая то „интеллигенция“ все же быть должна... А потому, пока суть да дело (т. е. пока „за нас сработает всемогущее время“ да голубое небо), должна быть только (и только!) „интеллигенция прежняя“, „старая“, „интеллигенция пожизненная, столбовая“, — словом, „интеллигенция прежних деятелей“...

Вывод: Вольные казаки такой „интеллигенции“ значит, не имеют. В вольно-казачьих рядах „интеллигенция прежних деятелей“, действительно, отсутствует... Да, отсутствует, но только та единонеделимческого толка, или та, что молилась прежде разным Богам... А раз так, то и слава Богу. — К нашему счастью...

Слава Богу, что мы, вольные казаки, не имеем интеллигенции толка „прежних деятелей“... погубившей казачье дело.

Не нужна нам такая „интеллигенция“. Иначе мы не гарантированы от очередного результата ее „деятельности“.

Как и все просвещенные народы, всегда и везде старающиеся подчеркнуть как можно ярче свой национализм, мы, вольные казаки, дорожим и ценим интеллигенцию. Но мы отрекаемся от „интеллигенции прежних деятелей“, как оторвавшейся от своего народа и об отсутствии такой „интеллигенции“ в наших рядах не только не „сочалеваем“, а радуемся от чистого сердца.

На интеллигенцию свою казачью, мы имеем свой собственный взгляд. Наша задача (и задача одна из важнейших) — имеет нашу вольно-казачью интеллигенцию, интеллигенцию своего народа.

Такую интеллигенцию, которая бы понимала душу казака; такую интеллигенцию, сердце которой билось бы в унисон с сердцем казака, было бы в состоянии чувствовать его душевные толчки, болеть его болью и радоваться его радостью. Такую интеллигенцию, которая не гнушалась бы казачьего народного разума, не игнорировала бы его, не была бы к нему глуха, слепа и нема, а обладала бы к нему (к казачьему народному разуму) самой тонкой чуткостью.

Наша задача иметь такую казачью интеллигенцию, которая была бы в состоянии улавливать все боли и нужды, которыми казак сейчас „болеет“. Интеллигенцию, которая бы не гнушалась своего народа, а дорожила, любила бы его и, никого не стыдясь и никого не боясь, при нужде смогла бы умереть ради его счастья.

Весь жизненный интерес нашей интеллигенции должен быть кровно и неразрывно связан с интересом представляемого ею казачьего народа.

Вот какую казачью интеллигенцию мы поставили иметь своей задачей. И только в такой интеллигенции мы имеем нужду (да и всегда Казачество будет иметь нужду в такой интеллигенции, всегда будет стремиться к увеличению ее кадров, ибо чем ни больше будет такой интеллигенции, тем для Казачества, как и для всякого здравомыслящего народа будет выгодней).

Что в такой интеллигенции вольные казаки имеют нужду, это понятно, ибо само Казачество находится в периоде его „собиранья“...

Итак, с отсутствием с среде вольных казаков „интеллигенции“ толка „прежних деятелей“ соглашаемся полностью.

Оговорку же о ней, об этой „интеллигенции“, будем считать лишь как бы „введением“...

А теперь насчет самого главного — насчет „деятельности“ „прежних деятелей“ — „патентованных интеллигентов“...

„Серые“ созидают, а „интеллигенты“ разрушают. *)

„За волю казачью, за честь свою неподкупную, за веру православную — поднимайтесь Атаманы - молдцы, Верховые и Низовые казаки“...

Эх ты, Дон Наш Батюшка. Казаки, вы рыцари“...

Циркулярное обращение к дону временного Донского Правительста от 15 апреля 1918 г.:

„Казаки! близится светлый день освобождения Родного Края, изстари знаменитого Войска Донского, от насильников и грабителей, красноармейцев, купленных слуг проклятой власти большевиков.

Разорена наша Родная Земля, унижен и оскорблен Тихий Дон, но с Божьей помощью начатое вами дело освобождения станиц от красного засилья близится к концу. Необходимо последнее усилие и казачий подвиг восстания не забудется во веки веков. Но рядом с вашими подвигами необходима успешная работа по вос-

*) „Деятельность“ ген Краснова (как „вождя,“) цитирована по его статье: „Всев. В. Донское“, а „деятельность“, „прежних деятелей“ — по Донской Летописи № 3 (преимущественно по статье г. Каклюгина: „Донской Атаман П. Н. Краснов и его время“).